

УДК 1 (091)

МАТЕРИНСТВО И МАТЕРИАЛИЗМ В ГЕНДЕРНЫХ РЕЖИМАХ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И ДИСКУРСАХ ПОСТМОДЕРНА

Татьяна Власова

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного
транспорта имени академика В. Лазаряна*

Аннотация

Тенденции неолиберализма, приводящие к «демократизации» и «либерализации» личной жизни, переопределяют содержание и формат гендерных отношений, как в обществе, так и в семье. Доминирование неолиберального и эссенциального подходов, как и прежде, обесценивает специфическую женскую деятельность, связанную с материнством и семейной сферой. В смешанных реакциях на материалистские политики особую актуальность приобретает феномен репрезентации, представленный в языке дискурсов и текстах нарративов.

Ключевые слова: неолиберализм, гендерный режим, материализм, частная сфера, «политическое», репрезентация, «мужской взгляд», субъективация, идентичность.

Анотація

Тенденції неолібералізму, що приводять до «демократизації» і «лібералізації» особистого життя, перевизначають зміст і формат гендерних стосунків як у суспільстві, так і в сім'ї. Домінування неоліберального і есенціального підходів, як і раніше, знецінює специфічну жіночу діяльність, пов'язану з материнством і сімейною сферою. У змішаних реакціях на матеріалістські політики особливої актуальності набуває феномен репрезентації, представлений в мові дискурсів і текстах нарративів.

Ключові слова: неолібералізм, гендерний режим, матеріалізм, приватна сфера, «політичне», репрезентація, «чоловічий погляд», суб'єктивация, ідентичність.

Annotation

The tendencies of neoliberalism with their impact on the «democratization» and «liberalization» of the private sphere reconstruct and re-define the content and format of the gender relations both in the society and in the family. The difference between the liberal and social-democratic gender regimes is accentuated in the forms of transition from the domestic sphere to the public gender regimes. The predominance of the liberal and essentialistic approaches devalue the specific woman's activity connected with the motherhood and the family.

Key words: neoliberalism, gender regimes, maternalism, private sphere, “the political”, representation, “male's gaze”, subjectivation, identity.

Постановка проблемы. Драматические изменения в мировой культуре, политике, экономике за последние десятилетия дали мощный импульс феминистской философии, гендерным исследованиям, общему гендерному научному дискурсу. Ученые-феминисты, представляющие разные сферы знания, активно пытаются осмыслить вызовы общества позднего капитализма и глобализации, способствуя появлению новых путей их анализа. Поскольку семья и материнство – это те сферы жизни, вокруг которых сегодня формируются сегодня новые социокультурные дискурсы и ценностные ориентации, где возникают практики, связанные с новыми моделями брачно-репродуктивного поведения, проблема феномена материнства принадлежит к тем актуальным задачам научного познания, которые обеспечивают понимание кардинальных мировоззренческих трансформаций в нашем «постсовременном» мире.

Анализ последних исследований. Как отмечают ученые, процессы либерализации и демократизации, характерные для постсовременных обществ, приводят к широкому распространению постматериалистических ценностей, «демократизации» и «либерализации» личной жизни, переопределяющих содержание и формат гендерных отношений [1, с. 21]. Происходящие трансформации затрагивают не только семью, отношения между

супругами/партнерами, но и сам феномен материнства, анализу которого посвящают сегодня свои работы социологи и психологи, политологи и теоретики культуры. Но тот факт, что гендерные исследования являются междисциплинарными, не отменяет определенную "отраслевую" дифференциацию гендерной мысли, более того, предполагает поиск общих оснований теоретического дискурса. И здесь следует подчеркнуть: именно философия может предоставить дискурс, адекватный множественности понятия "гендер".

Общее представление о репрезентации концепта «гендер» сегодня может дать библиографический индекс в любом солидном западном издании по проблемам гендера и феминизма, например: гендерное равенство и капитализм, гендерные режимы и неолиберализм, гендерное равенство и глобализация, гендерные бюджеты, гендер и патриархат, гендер и постфеминизм и т.д. [1, с. 202-203]. Особое место властных отношений в гендерной проблематике предопределяет такие популярные в украинской и российской науке понятия, как «гендерная политология», «гендерный фактор политики», «гендерная политическая культура», «гендерная асимметрия», «гендерное измерение политических процессов», «патерналистская политика», «политика тела», «гендерная социальная политика» и т.д. [2, с. 8-9]. Нужно заметить: материнство рассматривается в подобных тезаурусах, как правило, в рубриках «гендер и семья» или «домашние гендерные режимы».

Не останавливаясь на дефинициях, необходимо все же затронуть такой новый термин, как «гендерный режим», употребляемый зачастую в том же контексте, что и феминистский термин «патриархатный порядок», однако эти словосочетания не являются синонимами. Гендерные режимы – это системы гендерных отношений; то есть различные аспекты взаимосвязанных гендерных отношений, формирующих систему, определяются термином «гендерный режим». Гендерные режимы принимают различные формы, но самой важной характеристикой остается оппозиция частной (домашней) и публичной (общественной) сфер жизни [1, с. 7]. Термин «патриархат», безусловно, не

новый для феминистской теории, определяется К. Миллет как «такой институт, где одна половина населения (женщины) контролируется другой (мужчинами)» [3, с. 150]. С. Бем пишет, что патриархат – это господство мужчин над женщинами; строй, при котором существует дискриминация людей по признаку пола [4, с. 283]. Поскольку подобная дискриминация связывается, как правило, с ценностно-иерархическим мышлением, «логикой доминирования» (К. Уоррен) как попыткой оправдать подчиненное положение «менее значимой» группы по отношению к «более значимой», патриархатная теория является скорее термином феминистской философии. Философы-феминисты, как правило, анализируют проявления нормативного дуализма в таких оппозициях, как дух-тело, разум-чувства, культура-природа и т.д., связывая эти проявления с той основной дихотомией «мужчина-женщина», которая касается не абстрактного «человека», а жизни конкретных женщин с их конкретным женским опытом. Ученые-феминисты задают фундаментальные философские вопросы о жизни и ее смысле, ценностях и бытии; в корпусе подобных вопросов феномен материнства, несомненно, занимает важное место и в гендерных исследованиях.

Цели и задачи. Целью данной публикации является попытка философского раскрытия концептуализации материнства в сложном взаимодействии гендерных режимов и неолиберальных тенденций в социокультурных дискурсах и нарративах начала XXI в.

Основное содержание исследования и полученных результатов. Термин «феминизм» никогда не был популярен в западной культуре, отсюда следует широкое употребление термина «гендерные исследования», зачастую в качестве синонима «феминистской теории», что, безусловно, является ошибочным упрощением. Признавая сложность дефиниции понятия «феминизм», исследователи подчеркивают важность четырех компонентов в его рабочем определении: «Феминизм – это вера в то, что женщины и мужчины обладают внутренне присущей им равной ценностью. Поскольку в большинстве обществ мужчины находятся в привилегированном положении

как группа, социальные движения необходимы для достижения равенства мужчин и женщин с пониманием того факта, что гендер всегда пересекается с другими социальными иерархиями» [5, с. 7].

Бесспорно, феминизм трансформируется в зависимости от изменяющегося контекста, так как любые феминистские проекты формируются в непосредственной связи с социокультурной, экономической и политической «картиной мира», и усиление неолиберализма в течение последних 30 лет является безусловным вызовом для феминизма. Неолиберализм влечет за собой расширение процессов неравенства (особенно в экономике) наряду с процессами де-демократизации, поскольку демократическое государство заменяется рыночными принципами в организации своих главных услуг. Последнее – рост неравенства и сокращение демократического пространства – создает сложный контекст и трудную среду для практической реализации идей феминизма. Однако феминистские проекты продолжают вносить важный вклад в создание альтернативного будущего. Гендерные/феминистские проекты динамически реконструируются в изменяющемся контексте гендерных отношений, которые конституируются одновременно и институциональными сферами экономики, и гражданским обществом, и семейными отношениями. Понимание различия между публичным и частным режимами остается по-прежнему важным в анализе различий между теми гендерными проектами, которые охватывают матернализм как нечто позитивное для женщин, и теми проектами, которые нацелены на продвижение интересов женщин с акцентом на необходимости равенства женщин и мужчин, достигаемого через развитие одинаковых стандартов для обоих полов. Различие между либеральными и социально-демократическими гендерными режимами остается по-прежнему важным для понимания существующих сегодня форм сопротивления переходу от домашнего уклада к публичным гендерным режимам. Но здесь необходимо подчеркнуть: если материнство и остается по-прежнему ключевым компонентом в женской субъективности, то сексуальное «самоопределение» является сегодня равно важным, во всем мире женщины создают

альтернативное видение красоты, власти и справедливости. Новые гендерные и феминистские проекты расширяют круг своих приоритетов, включая принцип «мьютуализма» («mutualism») как стержня организации общества – от прав человека до телесной целостности, – таким образом подчеркивая: индивидуальный контроль женщин над своим телом должен уважаться.

Здесь необходимо заметить: во все времена женщины стремились прежде всего «ухватиться» за свою идентичность матери, хотя эта идентичность всегда контролировалась патриархальным порядком. Репродуктивность женщины и сегодня находится под весьма значительным влиянием церкви, политики, в целом, государства; государственная политика ограничивает репродуктивный выбор женщины, например, во многих странах мира аборт запрещен (Чили, Мальта, Филиппины, Египет, Индонезия, Ирак, Иран, Ирландия, ОАЭ, Колумбия, Сирия и др.). С другой стороны, тысячи женщин в западных странах, ранее лишённые возможности стать матерями, сегодня могут родить благодаря новым медицинским технологиям: искусственному осеменению, оплодотворению «in vitro» и т.д. Однако в зависимости от того, кто «делает политику», новые технологии могут использоваться для усиления неравенства: гендерного, классового, расового. Человеческое клонирование, например, может использоваться в русле теории и практики евгеники для репродукции определенных типов человеческих существ, оставляя остальных под популяционным контролем.

Если в 70-х годах только женатые пары могли использовать репродуктивные технологии, то со временем незамужние женщины – и гетеросексуалки, и лесбиянки – стали понимать и использовать преимущества «in vitro» оплодотворения, «банков» спермы и прочих технологий. В некоторых случаях доноры-мужчины оставались анонимными, но те доноры, которые свою анонимность открыли, оказались вовлеченными в широкий спектр ролей и идентичностей. Некоторые мужчины-геи стали со-родителями с лесбиянками, создавая семьи, базирующиеся на репродуктивных, а не сексуальных отношениях. Новые технологии сделали возможным суррогатное материнство,

которое также порождает множество этических проблем, связанных с субъективностью и идентичностью. Современные репродуктивные технологии поставили новые вопросы в феминистской повестке дня. В прошлом инфертильные пары или оставались бездетными или усыновляли/удочеряли детей. Хотя было принято «оплакивать» свою судьбу бездетной матери, некоторые женщины, однажды признанные «бесплодными», жили, возможно, с определенным чувством облегчения от того, что не нужно рожать и воспитывать детей. Однако сейчас научный прорыв в репродуктивных технологиях может заставить женщин чувствовать себя неадекватно, если они не становятся матерью. Вместе с тем, хотя случаи международного и кросс-культурного усыновления в последние годы увеличились, мы не знаем, уменьшится ли тенденция усыновления, если все получают гарантию генетического потомства. И суррогатное материнство, и усыновление предоставляют возможность выбора для тех, кто не может вынашивать детей, и причины подобного выбора нуждаются в серьезном анализе. Сегодня у феминистов нет четкого ответа на многие вопросы, поставленные новыми репродуктивными технологиями, однозначно одно: выбор быть матерью или нет должен принадлежать женщине.

Как отмечают ученые, один из самых важных вкладов исследователей гендера второй половины XXв. в феминистскую теорию – это новое концептуальное определение феномена «политическое» (К. Пейтман, С. Оукин и многие другие). Ученые-феминисты доказали, что либеральный идеал автономного гражданина-мужчины игнорирует зависимость мужчин от заботы о них в семье. Социальный контракт, с помощью которого мужчины становятся гражданами, базируется на неустановленном сексуальном контракте, по которому женщины обслуживают интересы мужчин, и западный идеал семьи, представленный политическим гражданином-мужчиной, основывается на отказе передать женщинам право на любое независимое существование [6].

Сегодня, как и в мире «до феминизма», женщины продолжают оказывать сопротивление патриархатному доминированию, утверждая свое право на

полномочия в семье в качестве матери. В то же самое время феминизм продолжает требовать полное гражданство для женщин независимо от их семейных отношений. Как и «матерналистки» раннего феминистского движения, современные женщины настаивают на своей субъектности в качестве матери, защищая интересы своей семьи. Историк Т. Каплан называет такую материнскую власть «женской осознанностью» в отличие от «феминистской осознанности»: когда женщины действуют от имени приписанной им гендерной идентичности для улучшения своей жизни и жизни своих семей, это не обязательно означает требование тех же привилегий, которые есть у мужчин. Политолог-феминист М. Молиньо использует термин «практический гендерный интерес» для описания «дорожной карты» тех исследователей, которые принимают гендерную иерархию, но пытаются решать специфические проблемы, предъявляя моральные требования материнства. Тем не менее, каким бы ни был язык репрезентации, усилия женщин-феминисток достичь справедливости в качестве матери можно встретить сегодня везде – и в центре Лос-Анджелеса, и в поселениях Коста-Рики [7].

Феминизм, в целом, всегда демонстрировал смешанные реакции на матерналистские политики: от эссенциализма (С. Раддик или К. Джиллиган) до полного отказа от культурального признания ценности материнства (С. де Бовуар). Но и защитники, и критики «женской осознанности» материнства должны помнить о том, что подавляющее большинство женщин в мире и сегодня продолжают выполнять семейные функции домохозяйства и материнства, и для очень многих женщин их социальный авторитет по-прежнему базируется на идентичности матери. В Европе и Африке, в Америке и Азии женщины продолжают призывать общество адекватно оценивать материнский труд, несмотря на то, что женщины получили доступ к образованию, собственности и политическим правам. Требования самых первых феминисток по-прежнему получают отклик во всем мире; борьба за гендерное равенство по-прежнему акцентирует борьбу за права женщины-

матери и в обществе, и в семье. Однако следует подчеркнуть: доминирование двух основных тенденций в анализе материнства (неолиберальной и эссенциальной) по-прежнему акцентирует внимание на маскулинной публичной деятельности и обесценивает специфически женскую деятельность, связанную с семейной, частной сферой.

И здесь особую важность приобретает феномен репрезентации, связанный с языком дискурсов и текстами нарративов. Загруженная идеологией, репрезентация моделирует нормативную субъективацию, входя в практику ежедневной жизни, где индивиды разыгрывают свои социальные роли в определенных сценариях публичной и частной жизни. Необходимо подчеркнуть: репрезентация предполагает стандарт нормативности, то есть она подразумевает универсальный/мужской «взгляд». Культура коммодифицирует репрезентации с целью продажи культурного продукта и усиления определенного конформизма. Подобные репрезентации содержатся в кодированных текстах массовой культуры, воздействие которых не извлекается из дискурсов, но скорее «разбросано» в ежедневной жизни, в том, что феноменология называет «естественным отношением». Таким образом, массовая культура является политическим дискурсом даже тогда, когда «собеседники» в этом дискурсе не обладают властью в равной мере, например, мужчины и женщины [7].

Мозаика культурных «выражений» в литературе, кинематографе, СМИ предлагает соответствующие гендерные отношения и соответствующую репрезентацию женщин. Феминистская кинематографическая критическая теория – яркий партикулярный случай применения постструктуралистского подхода к анализу нарративов культуры – утверждает в своем анализе, что нарративы материнства представлены сегодня в характерном мелодраматическом и комедийном ключе. Последние примеры: «Материнство» реж. К. Дикманн, «Август» реж. Дж. Уэллс, «Мамы» реж. Е. Абазова; редкие исключения: «Все о моей матери» П. Альмодовара и «Мама» Д. Евстигнеева). Эстетствующая гангстерская сага К. Тарантино «Убить Билла» дает очень

простой ответ на вопрос, что нужно женщине: материнство. Мифология образа У. Турман заключается в непреодолимой жизнотворной силе женщины – Матери; и, возможно, эта мифология несколько упрощена на фоне множества других мифологизированных нарративов фильма К. Тарантино.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Постсовременное материнство многообразно и не всегда непосредственно связано с браком и кровно-родственными отношениями. Сейчас материнство все больше наполняется такими ценностями, как стремление к самореализации, взаимопониманию, построению доверительных отношений между родителями и детьми. В то же время новая модель материнства, чрезмерный акцент на идеальном материнстве и сильнейший прессинг масс-культурных дискурсов и нарративов зачастую ставят женщину в ситуацию жесткого выбора, влияя на ее идентичность [8].

Сегодня мы исторически переживаем фундаментальное преобразование семейной жизни. Мужчины получили значительную поддержку в их стремлении к более активному отцовству. Самым впечатляющим изменением жизни семьи в XXI веке, по мнению многих ученых, будет изменение роли мужчины, подобно тому, как в XXв. появление женщин на рынке труда совершенно преобразило состав рабочей силы. Ученые предсказывают, что в XXIVв. состоится «реинтеграция» публичной и частной сфер: дом и работа будут сближаться все сильнее [9]. Однако сегодня из всей литературы по вопросам семьи, воспитания детей и сексуальной ориентации можно вынести то, что форма семьи – полная семья, разведенные родители, матери-одиночки или отцы-одиночки – гораздо меньше значит для детей, чем содержание семейных отношений. И в традиционно полной семье, и в других типах семей детям больше всего нужны теплота и забота хотя бы одного родителя. Однако то, что этим родителем чаще всего оказывается мать, сегодня не оспаривает никто.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Walby S. The Future of Feminism. – Cambridge: Polity, 2012. –

2. Новые направления политической науки. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2007. – 344с.
3. Миллет К. Сексуальная политика (главы из книги) // Вопросы философии. – 1994, №9. – С.148-172.
4. Бем С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 336с.
5. Freedman E. No Turning Back. The history of feminism and the future of women. – New York: Ballantine Books, 2003. – 446р.
6. Пейтман К. Феминизм и демократия // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Е.В. Кочкиной, Н.М. Степановой. – М.: Институт гендерной политики, Алетейя, 2004. – С. 946-962.
7. Zeisler A. Feminism and Pop Culture. – Seal Press, 2009. – 183р.
8. Власова Т.И. Гендерная идентичность в массовой культуре как дискурсивное производство постмодерна // Філософські аспекти соціокультурних досліджень в умовах глобалізації. Монографія. – Дн-вськ: Вид-во Маковецький, 2014.– С.107-113.
9. Киммел М. Гендерное общество. – М.: РОССПЭН, 2006. – 464с.

Відомості про авторів:

Власова Тетяна Іванівна

vlasovat@inbox.ru

Дніпропетровський національний
університет залізничного транспорту
імені академіка В. Лазаряна
вул. Лазаряна, 2, м. Дніпропетровськ,
49010, Україна